

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Слёзы Царицы

Легенда.

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк**

Слёзы Царицы

Старый Узун-хан заскучал. Не утешали его больше ни зелёные сады, окружавшие дворец, ни журчавшие фонтаны, ни победы его войска, ни первый ханский советник Джучи-Катэм, которого старый хан называл "лучшим из двух моих глаз", ни сказки хитрой ханской смотрительницы садов Алтын-Тюлгю ("золотая лисица"), ни наконец, учёные рассуждения и стихи придворного поэта и учёного Уучи-Буш ("горсть его пуста"). Цветущий Зелёный Город, в котором были собраны сокровища десяти разорённых Узун-ханом соседних государств, затих в ожидании, чем разрешится тоска хана: может быть, будет объявлена война, или начнутся казни томившихся по клоповникам врагов, или хан развесялится и задаст один из тех пиров, на которых веселились десятки тысяч народа. Но в ханском дворце было тихо, как в могиле; а старый Узун-хан, качая своею дряхлою, трясущеюся головой, говорил Алтын-Тюлгю:

— Алтын-Тюлгю, не повесить ли мне тебя для развлечения, а чтобы тебе одной не скуч-

но было висеть, не вздёрнуть ли рядом с тобою самого учёного человека в свете, Уучи-Буш?

-- Солнце не будет светлее, если погасить две жалких, чадящих плошки, -- отвечала хитрая Алтын-Тюлгю. -- А ханское сердце, как море без берегов: в нём утонет каждый, кто осмелится заглянуть на дно...

Голова у старого Узун-хана тряслась уже давно, а лицо было страшно-жёлтое, сморщенное, с беззубым ртом, отвисшею нижнею челюстью и мутными слезившимися глазами. Это внешнее безобразие скрывалось под дорогим шёлком, редкими мехами, золотом и драгоценными камнями, так что подданные хана, которые видели его издали, считали его по-прежнему, самым могучим, сильным и мудрым из земных царей. Дети тоже не видели близко старого хана, а у него семья была порядочная: сто сыновей и двести дочерей. Одни приближённые знали, что такое Узунхан, когда-то знаменитый завоеватель, заливший кровью целые государства, разрушивший десятки цветущих городов и обезлюдивший многие соседние области.

Одна надежда оставалась у Алтын-Тюлгю, которая до сих пор не обманывала её: скучавший Узун-хан обыкновенно кончал тем, что утешался в своих придворных садах, в которых собраны были красавицы со всего Востока. Один сад назывался Летафет-Намех (книга прелести), а другой -- Баги-Дигишт (ханское небо). Много было собрано в этих садах ханских жён, наложниц и просто "аячек" (женская прислуга), ждавших по целым годам, на которую из них падёт ласковый ханский взгляд, -- так цветы ждут ночной росы и сохнут, если небо затворится, как затворилось старое ханское сердце. Но ханское сердце было шире моря и от его взгляда не ускользала ни одна красивая женщина в целом государстве, а первый ханский советник Джучи-Катэм особенно был почтён за свои заслуги, Узун-ханом: повелитель отнял у него мать, жену и дочь. Джучи-Катэм принял эти милости хана с весёлым лицом и, кланяясь в землю, повторял:

-- Одно солнце на небе, один Узун-хан на земле и одна голова у ничтожного Джучи-Катэма, которая думает только об одном,

как угодить солнцу мира...

-- О, Джучи-Катэм, лучший из двух моих глаз, чем я могу наградить тебя достаточно? -- спрашивал Узун-хан, тряся своею седою головой. -- Одна у меня Алтын-Тюлгю, и когда у ней во рту останется всего один зуб, я отдам её тебе...

Джучи-Катэм и Алтын-Тюлгю ненавидели друг друга, как собака и кошка, связанные хвостами вместе, потому что никак не могли разделить ханскую любовь пополам. Узун-хан наслаждался их ссорами и заставлял Уучи-Буш мирить их, -- великий учёный умел смотреть на всё ханскими глазами и слушать ханскими ушами.

Итак, Узун-хан скучал... Безмолвно стояли ханские сады, как две зелёные могилы, напрасно слонялся по дворцу Уучи-Буш, изобретая новое развлечение для хана, а хитрая Алтын-Тюлгю всё думала и думала, и мысли в её голове метались, как летучие мыши в старой развалине. Весь Зелёный Город не мог придумать больше, чем хитрая старуха. Наконец, она придумала... О, как заиграло её старое сердце, когда счастливая мысль была пойма-

на, и сам учёный Уучи-Буш, тайный её советник и поверенный, сказал ей:

— Алтын-Тюлгю, все учёные всего мира не стоят одной твоей пуговицы, и если бы я был ханом, то велел бы вызолотить тебя... И хан будет рад твоей выдумке, и Джучи-Катэм выпьет чашу испытаний до дна.

Никто в Зелёном Городе не знал о выдумке Алтын-Тюлгю, и только жемчужные фонтаны плакали и жаловались в ночной тиши, когда тихо спал в ханских садах рой красавиц, а соловей громко пел о любви, счастье и вечной радости. Алтын-Тюлгю каждый вечер являлась к Узун-хану и рассказывала ему свои сказки, пока обессиленный старик не засыпал тревожным, старческим сном.

II

Узун-хан призывает к себе рано утром верного своего раба Джучи-Катэм и говорит ему:

— Лучший из двух моих глаз, я много думал всю эту ночь... Всё моё государство спало мёртвым сном, начиная от нищих, погонщиков ослов, странствующих дервишей и кон-

чая военною стражей, приставленной оберегать мой дворец, -- да, все спали, и только старый хан не спал. Он думал, что живёт несправедливо, и пролил много напрасных слёз. Хан такой же человек, как и другие, -- у него не десять желудков, как у верблюда, не тысяча глаз, как у дракона, и всего одно сердце. Не так ли, великий учёный Учи-Буш?..

Великий учёный только закрыл глаза от умиления и приложил руки к сердцу; а в другой комнате, спрятавшись за занавеской, радовалась Алтын-Тюлгю. Конечно, Узун-хан стар, и ему тяжело носить своё собственное тело, но ум у него всё такой же острый, как и раньше, -- самой Алтын-Тюлгю не сказать так, как скажет Узун-хан.

-- Справедливо ли, если один человек возьмёт себе тысячу молодых и красивых женщин? -- продолжал хан, тряся головой. -- Он походит на того безумца, который, чтобы утолить жажду, не напьётся досыта из одной реки, а бежит к следующей реке с новою жаждой и так далее, пока не падёт в изнеможении. Наш придворный учёный Учи-Буш, рискуя потерять свою мудрую голову, именно

так и заявил: "это несправедливо". Он не побоялся даже ханского гнева и сказал прямо: "ты, Узун-хан, стар и тебе необходимо подумать о твоих заблуждениях, чтобы исправиться хоть под конец жизни". Уучи-Буш сказал правду, и я награжу его по-царски за его смелость. Да, я был не прав... И всего больше я был не прав перед тобой, Джучи-Катэм, лучший из двух моих глаз, потому что обесчестил твою мать, отнял жену и опозорил дочь. Теперь я стар и хочу исправиться... Взгляни на голубей, на лебедя, на соловья, на медведя, на льва, как они живут? Самая кроткая птица, самая белая птица и самая сладкозвучная птица живут парами, как велел им Бог. Царь пустыни -- лев тоже живёт с одной подругой, потому что он должен служить всем другим зверям примером. Я хочу сделать тоже, Джучи-Катэм, и выбираю тебя своим помощником... Ты знаешь, что каждую весну мои приставники объезжали всё государство и выбирали для моих садов самых красивых девушек, другие приставники отправлялись в другие государства и покупали лучших невольниц, -- я ничего не жалел, чтобы лучшие розы

цвели в Баги-Дигишт и в Летафет-Намех. Но мои приставники обманывали меня: моё сердце оставалось холодно, потому что они не могли найти именно той девушки, которая сделала бы меня счастливым. Ты, лучший из двух моих глаз, сделаешь это, и великий мудрец Уучи-Буш уже предсказал тебе полный успех... Иди и найди ту, которая возвратит мне мою молодость, счастье и веселье. Обманывавших меня приставников я велю повесить, а тебе отдам в награду всё их имущество, жён и детей. Твоим помощником будет ученейший Уучи-Буш...

Джучи-Катэм поклонился хану в землю и вышел. Он не верил ни одному слову хитрого старика, -- под каждым ласковым словом Узун-хана скрывалась ядовитая змея. Перед казнью он ласкал своих врагов и наслаждался их доверчивостью, а тех, кто ему был полезен, преследовал утончёнными пытками, как было с ним, Джучи-Катэм.

Как сказал хан, так и сделал. Вечером Джучи-Катэм получил пять мешков с головами казнённых приставников и живого Уучи-Буш, который был глуп, как семь баранов вместе.

Весть о желании хана отыскать себе жену уже облетела Зелёный Город, и в ханских садах произошёл страшный переполох. Это был не обычный весенний набор ханских невольниц, а что-то новое, что заставило задуматься старых ханских жён и всех матерей ханских жён и всех матерей ханских детей. Что-то будет, когда явится эта одна девушка! Стоны и плач поднялись в ханских садах, где томились ханские красавицы, и только громко распевал невидимый ни для кого соловей, напрасно утешавший сторавшие от любви розы.

А Джучи-Катэм уже принялся за дело. В его распоряжение были отданы все войска, стоявшие по областям. Из тысяченачальников и сотников образовалась громадная свита, обязанная повиноваться каждому его взгляду. Народ привык к подобного рода зрелищам, и чадолюбивые родители с завистью думали о той счастливице, которая войдёт царицей в Зелёный Город. Тысячи девушек в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет ждали, как праздника, появления Джучи-Катэма: каждая мечтала быть ханшей. Все были довольны, и только один Джучи-Катэм ехал та-

кой грустный и задумчивый, -- его беспокоило предчувствие чего-то нехорошего. Когда подчинённые обращались к нему за чем-нибудь, он хмурился и говорил:

-- Спросите Учи-Буш, он всё знает...

Пресмыкавшийся при дворе великий учёный теперь находился наверху блаженства и ехал верхом на коне с видом счастливого завоевателя, вступившего в только что побеждённую страну. В самом деле, их везде так хорошо принимали, как князей, а Учи-Буш любил почёт, жирную баранину и безделье. В каждом городе к нему являлись депутации от местных учёных, и в честь светила науки читались раболепные стихи, от которых могла закружиться голова даже у верблюда, но Учи-Буш прикидывался скромным и не хотел проронить ни одного зерна своей мудрости. Зато как гордо поднимал он голову в маленьких селениях и местечках, точно пророк. Да и новые обязанности так нравились старому учёному, и он лично осматривал всех девушек, чтобы напрасно не беспокоить недостойных далёким путешествием к ханскому двору.

Таким образом, в три месяца они объехали почти всё государство и набрали тысячи девушек.

-- Теперь можно будет и самим вернуться, -- решил Джучи-Катэм. -- Ханское повеление исполнено...

-- Нет, мы должны объехать всё государство, -- спорил Учи-Буш с непонятым упрямством. -- Мы должны осмотреть все уголки, чтобы вернуться к хану с чистой совестью... Может быть, счастье хана спряталось где-нибудь в глуши.

Конечно, Учи-Буш, был глуп, но это упрямство встревожило Джучи-Катэм, и он возненавидел пустую голову величайшего в свете учёного. Недаром же старый хан послал с ним этого старого болтуна, и сердце Джучи-Катэм наполнилось подозрением. Ужели во всём этом скрыта была ловушка для него?

III

На севере владения Узун-хана заканчивались Голодной Степью. Когда-то здесь была цветущая страна, но Узун-хан завоевал её,

разрушил города, одну часть жителей перебил, а остальных выселил в другие области. Где каждый клочок земли был возделан, где зеленели фруктовые сады, и по два раза в год поля одевались тучными нивами, -- там сейчас разлеглась голодная пустыня, и только гулял по ней степной ветер, засыпавший мелким песком развалины городов, водоёмы и громадную сеть арыков. Иссякла вода, и над Голодной Степью царила смерть. Обходили её торговые караваны, пастухи с своими стадами и даже степные разбойники. Узун-хан гордился этою степью, как доказательством своего могущества: одно его слово превращало целые государства в пустыню. Так делали все великие завоеватели. От Зелёного Города до Голодной Степи было десять дней пути, но вот уже сорок лет никто сюда не ездил и не ходил, за исключением редких охотников, посещавших иногда лесистый горный хребет Чолпан-Тау, где скрывались по лесным чащам олени и маралы.

Но жизнь притаилась и в Голодной Степи, именно на северном склоне Чолпан-Тау, где громоздились скалы и голые утёсы. Там в пе-

щере жил столетний старик Байгыр-хан, один из князей царившего когда-то в Голодной Степи ханского рода, истреблённого Узун-ханом. Когда-то он был лучшим джигитом, имел громадные стада, сады, возделанные поля и большую семью, но всё это исчезло, благодаря завоеванию. Байгыр-хан дрался, как лев, защищая свою родину, и когда всё было кончено, ушёл в Чолпан-Тау, чтобы здесь на неприступных высотах дорого продать жизнь своему счастливому врагу. С ним в горы ушла горсть степных батырей. Эти герои целый год защищались в горах, пока не были перебиты до последнего. Был убит и Байгыр-хан, т. е. его сочли убитым. Но он лежал только в беспмятстве и очнулся, когда враги ушли. Да, Байгыр-хан очнулся и пожалел, что остался жив. У него ещё оставались глаза, чтобы оплакивать несчастья целого народа. Он навсегда поселился в Чолпан-Тау, с каменистых высот которого открывался вид на Голодную Степь. На его глазах степной песок хоронил вытоптанные поля, разрушенные города и дорогие могилы, -- нет, вся Голодная Степь была одною сплошною могилой, и Байгыр-хан сидел на

своей скале, как горный орёл с перебитыми крыльями. Сначала он хотел мстить Узун-хану, потом стал думать, что за него отомстят другие, и, наконец, решил, что за сделанную несправедливость заплатит кровожадному завоевателю сам Бог. Годы шли над Чолпан-Тау быстрою чередой, а Байгыр-хан превратился в отшельника. Он питался горными травами, кореньями и тем, что давала охота, и всё углублялся в размышления. О его существовании знали только несколько человек переселенцев из Голодной Степи, иногда навещавших старика со всеми предосторожностями, чтобы не выдать его Узун-хану. Когда Байгыр-хану было уже девяносто лет, к нему привезли четырёхлетнюю девочку, последнюю отрасль царившего когда-то в Голодной Степи ханского рода. Эта была такая тайна, о которой не подозревал даже сам Байгыр-хан. Он сначала не верил, но потом, когда заплакали столетние очи, сердце Байгыр-хана раскрылось: Бог велик и недаром он, Байгыр-хан, прожил в своих горах столько лет, -- радость к нему слетела как птица.

-- Я чувствую, что это моя кость [*Кость --*

род.], -- сказал Байгыр-хан, целуя четырёхлетнего ребёнка. -- Бог велик и послал мне последнее утешение...

Девочку звали Кара-Нингиль ("чёрный жемчуг"), и она поселилась в одной пещере с Байгыр-ханом. Старик ожил, точно родился во второй раз, и каждое утро приносило ему новую радость. Чёрными большими глазами Кара-Нингиль смотрела на него новая жизнь, а её улыбкой улыбалось будущее. Явились две козы, собака, детские игрушки, которые мастерил Байгыр-хан с особенным удовольствием. По вечерам, когда солнце спускалось к горизонту, старик долго сидел где-нибудь на камне, смотрел вниз, где разлеглась широкою полосой Голодная Степь, и пел про старых ба-тырей, про удивительных красавиц и про жестокого Узун-хана. Он не помнил, кто сложил эти песни -- он ли сам, или кто другой, но душа требовала живого слова, чтобы нарушить мёртвую тишину теснившихся кругом гор. Кара-Нингиль слушала песни Байгыр-хана и сладко засыпала на его коленях невинным детским сном. Девочка росла, как росли кру-

гом лесные цветы и пахучие горные травы, с тою разницей, что цветы не умеют улыбаться и не плачут над несчастьями напрасно погибших людей. Кара-Нингиль точно выросла в этом сказочном царстве мёртвых, как на могилах вырастают зелёные деревья. А Байгыр-хан точно помолодел с ней и был уверен, что не умрёт пока Кара-Нингиль не вырастет совсем большою горною красавицей.

Целые дни Кара-Нингиль проводила в лесу и знала каждый уголок на ближайших горах. Она не боялась ходить одна и карабкалась по скалам, как горная коза. Любимым её местом была Кузь-Тау (Гора-Глаз), на скалистой вершине которой сохранились развалины старой крепости; когда она была построена, кем и для чего -- не помнит даже Байгыр-хан, а Кара-Нингиль любила это место потому, что с него открывался великолепный вид почти на весь Чолпан-Тау и Голодную Степь, уходившую из глаз жёлтым ковром. Байгыр-хан называл Кузь-Тау проклятым местом, на котором даже не растут цветы, и не любил ходить туда. Да и трудно было столетнему старику подниматься на такую кручу, -- на Кузь-Тау он

отбивался от своих неприятелей и здесь был ранен в последний раз. Толстые, старые стены, сложенные из дикого камня, служили прекрасною защитой, и только недоставало воды -- глубокий колодезь, устроенный в крепости, давно обвалился и в нём жили змеи да летучие мыши.

В двенадцать лет Кара-Нингиль сделалась задумчивою девушкой и почти каждый день уходила на Кузь-Тау, -- сядет на выступ стены и долго-долго смотрит в даль, где синее небо сливается с жёлтою степью. Ей казалось, что именно оттуда явится один из тех батырей, о которых пел Байгыр-хан. Иногда она даже слышала топот конской скачки и далёкие голоса, но всё это происходило только у ней в голове, и Кара-Нингиль даже вздрагивала. Однажды, когда она сидела таким образом на Кузь-Тау, до её слуха донёсся далёкий звук охотничьего рога и лай собак. Девушка испугалась, вспорхнула, как птичка, и понеслась к своей пещере.

-- Дедушка, там, в горах, кто-то есть, -- говорила она Байгыр-хану. -- Я сама слышала... Мне страшно.

-- Это шайтан трубит, -- говорил старик. -- Кому быть в горах?.. Я живу здесь сорок лет и никого не видал... Это показалось тебе, шайтан пугает.

На этот раз Байгыр-хан ошибся: по горам рыскала ханская охота. Из ханской свиты отбился лучший охотник и заблудился в горах. Далеко залетел сокол, а за ним ускакал джигит на золотистом аргамаке. Когда Кара-Нингиль бежала с Кузь-Тау, джигит заметил её и скоро отыскал пещеру, где скрывался Байгыр-хан. Это был настоящий батырь, летавший на своём аргамаке, как птица. Когда он спешился у пещеры, Байгыр-хан сказал:

-- Сорок лет живу в горах, а первого живого человека вижу... Заходи, гость будешь.

Батырь только улыбнулся:

-- Сколько тебе лет, старик? -- спросил он. -- Сто лет ты прожил на свете, а обманывать не научился.

Байгыр-хан испугался, но только покачал головой и сказал:

-- Столетний старик обманул оттого, что испугался, а ты, батырь, с собой возишь свой страх...

Эти слова заставили батыря задуматься, -- старик угадал.

-- Меня привёл сюда мой сокол, и я не сделаю тебе никакого зла, -- ответил он, опуская глаза. -- А действительно есть у меня горе... Ты всё знаешь, отшельник, и я расскажу тебе.

Батырь начал рассказывать, как Узун-хан обесчестил его мать, отнял жену и опозорил дочь, и что он отомстит ему. Байгыр-хан слушал его и качал своею седою головой. Зачем мстить?.. Бог велик, и у всякого своя радость. Нужно жить так, чтобы самому не обижать других. Улыбнулся батырь, расспросил про дорогу и уехал.

Ровно через год он приехал опять, но теперь уже один, и привёз Байгыр-хану целый тюк дорогих подарков.

-- Отдай это своей девочке, -- сказал он. -- Будет большая -- пригодится.

Байгыр-хан опять покачал головой, рассматривая дорогие подарки; батырь был не простой человек, и не сокол привёл его сюда, а, может быть, сама судьба. Он позвал Кара-Нингиль, велел ей поблагодарить батыря, а подарки возвратил. Взглянул батырь на Ка-

ра-Нингиль, на её тёмные опущенные глаза, на стройный стан, на румяные щёки и только вздохнул.

-- Через год приеду... -- сказал он.

Забилось, как подстреленная птица, сердце батыря, ещё ниже опустила свои тёмные глаза Кара-Нингиль, и когда батырь уехал, и пропал топот его лошади, она всё стояла на одном месте, как очарованная. Байгыр-хан даже рассердился на неё, в первый раз рассердился, как жили они вместе десять лет, и долго ничего не говорил. Старик думал своё, Кара-Нингиль -- своё.

Через год батырь действительно явился, но теперь он приехал не один, а с громадной свитой. С ним был Уучи-Буш, осматривавший невест. Великий учёный узнал про Кара-Нингиль, как лучшую красавицу, и взял её в число невест Узун-хану. Батырь Джучи-Катэм ничего не сказал Байгыр-хану -- тёмная ночь лежала у него на душе. Он вперёд знал, что Кара-Нингиль, его возлюбленная Кара-Нингиль, которую он сторожил, как зеницу ока, делается избранницей Узун-хана. Злую шутку подшутила над ним Алтын-Тюлгю, но все они до-

рого заплатят ему за отнятую невесту... О, железное сердце билось в груди Джучи-Катэм, а на дне души лежала холодная змея.

-- Я, Джучи-Катэм, отомщу за всех, -- сказал он на прощанье плакавшему Байгыр-хану. -- За каждую напрасно пролитую слезу Кара-Нингиль заплатят мне по голове.

IV

За Зелёным Городом, где, потонув в садах, течёт быстрый Ик, вырос новый город из разноцветных палаток -- здесь собраны были красивые девушки со всего государства, и у каждой была своя палатка. Прежде чем сделать выбор, всех их ещё раз осматривали новые приставники, знахари и опытные старухи, состоявшие при ханских дворах надзирательницами. Исполнив своё поручение, Джучи-Катэм думал уже получить свободу, но Узун-хан сказал:

-- Всякое хорошее дело нужно доводить до конца... Тебе трудно одному управляться с девичьим городом, Уучи-Буш слишком учён для этого, а потому я назначаю тебе помощницей

Алтын-Тюлгю.

Кара-Нингиль жила в своей палатке уже второй месяц, и ей было весело. В шумной толпе весёлых девушек она забыла и горы Чолпан-Тау, и свою пещеру, и самого Байгыр-хана. Молодое сердце рвалось от радости в ожидании неизвестного будущего. По вечерам она подолгу сидела на берегу быстрого Ика и всё слушала, как шумит засыпающий Зелёный Город: ревели верблюды, скрипели арбы, блеяли бараны и ржали лошади. Как ей хотелось увидеть этот город, в котором живёт великий Узун-хан: хоть бы одним глазком посмотреть! Попасть в ханши она не думала -- мало ли красивых девушек и без неё. Ей надо-едали только приставники, которые приходи-ли каждый день и осматривали её, как ло-шадь; один осматривал зубы, другой -- глаза, третий -- волосы, руки, шею. Старухи обходи-ли все палатки по ночам и наблюдали, спо-койно ли спят красавицы и нет ли у них дур-ных примет, которые можно скрыть днём. Джучи-Катэм она видела только издали, и он точно не хотел её узнавать, что её огорчало. Неужели батырь так скоро успел забыть её и

не чувствует, как бьётся её сердце, когда он проходит мимо её палатки?

Но зато как весело было днём, особенно утром, когда все девушки отправлялись купаться в Ик! Никто не смел подъехать к Девичьему Городу на триста шагов, потому что его оберегали отряды ханской стражи, и девушки могли резвиться на свободе, как хотели. Только раз во время такого купанья на реке показалась лодка, перепугавшая всех; это был сам Узун-хан, хотевший полюбоваться купавшимися красавицами. Кара-Нингиль не хотела верить, что сторбленный жёлтый старик, у которого так страшно тряслась голова, и есть Узун-хан, о котором она так много слышала. Невелика радость сделаться женою такой гнилой куклы, -- уж лучше было бы остаться в Чолпан-Тау.

В другой раз Кара-Нингиль страшно испугалась, когда ночью в её палатку, как тень, вошла какая-то женщина. Эти отвратительные старухи мешали даже спать.

-- Не бойся меня, Кара-Нингиль, -- заговорил молодой женский голос, что ещё больше удавило девушку. -- Я пришла тебе сказать,

что именно ты будешь нашей ханшей. Это уже решено... Меня зовут Ак-Бибэ, я дочь Джучи-Катэм, которого ты знаешь. Узун-хан тоже любил меня, всего один день любил, а потом отдал в Летафет-Намех, где таких несчастных девушек сотни. Все мы будем теперь служить тебе одной, как своей царице... Тебе строят уже новый дворец.

-- Я тебя не знаю, Ак-Бибэ, -- ответила Кара-Нингиль, -- и не знаю, что тебе нужно от меня.

-- Что мне нужно? -- спросила Ак-Бибэ и вдруг заплакала, горько и неутешно заплакала.

-- О чём ты плачешь, Ак-Бибэ?

-- Плачу и о себе, и о тебе, Кара-Нингиль... Ты ещё такая молоденькая и совсем не знаешь, как страшно жить на свете такой красавице, как ты. Мой отец Джучи-Катэм полюбил тебя и хотел жениться, но об этом узнала Алтын-Тюлгю и назло отцу захотела сделать тебя ханшей, -- у бедного отца всё было отнято и нужно было ещё отнять невесту...

Ак-Бибэ горько плакала и рассказала Кара-Нингиль все злодеяния Узун-хана. Этот

полусгнивший старик может ещё радоваться только муками, страданиями и унижением других. Чем лучше человек, тем приятнее Узун-хану мучить его. Дальше Ак-Бибэ рассказала Кара-Нингиль, как плачут и убиваются теперь все женщины в Летафет-Намех и в Баги-Дигишт, как ненавидят её, будущую царицу, все сто ханских сыновей и ханские дочери, и как будут проклинать собранные в Девичьем Городе тысячи красавиц, когда узнают о выборе Узун-хана.

-- Я никому не сделала зла... -- шептала Кара-Нингиль. -- Но, слушая тебя, я поняла только одно, что мне не следовало родиться или навсегда остаться в Чолпан-Тау.

-- У всякого человека своя судьба, от которой не уйдёшь. Нужно делать то, к чему ведёт судьба.

-- А что нужно делать? -- спросила Кара-Нингиль.

-- Когда придёт время, я тебя научу, -- ответила Ак-Бибэ. -- Красивые девушки родятся на свет для горя...

Ночь кончилась и Ак-Бибэ ушла, чтобы пройти незамеченною в свой Летафет-Намех.

Если бы её заметили, то сейчас же казнили бы, потому что ханские жёны не должны были переступить порога своих садов. Когда она ушла, Кара-Нингиль горько заплакала, -- она вперёд возненавидела и Узун-хана, и своих приставников с Алтын-Тюлгю во главе, и самого Джучи-Катэм, любовь которого привела её к гибели. Если её все ненавидят, как будущую ханшу, то и она всех тоже ненавидит... Всю ночь громко пел соловей над палаткой Кара-Нингиль, и всю ночь плакала Кара-Нингиль. Ей хотелось умереть такою, какою она была сейчас, -- молодою, красивою, как те сказочные красавицы, о которых пел ей Байгыр-хан.

Утром, когда Кара-Нингиль проснулась, посещение Ак-Бибэ показалось ей каким-то тяжёлым, ужасным сном. Она точно умерла в эту ночь и проснулась другою.

Как говорила Ак-Бибэ, так и вышло.

Когда кончилось испытание собранных девушек, из каждого десятка выбрали по одной, -- получилось всего несколько десятков красавиц и Кара-Нингиль попала в их число. Из этих десятков выбрали всего семь -- Ка-

ра-Нингиль попала и в это число. Из этих семи выбрали одну, и эта одна была Кара-Нингиль. Загремели трубы в Зелёном Городе, возликовал весь народ и возрадовалось сердце старого Узун-хана, когда он увидел в первый раз Кара-Нингиль. Её палатка из разноцветной шёлковой материи стояла теперь посредине Девичьего Города и над ней развевались яркие флаги, а сама Кара-Нингиль была разодета в шёлковые платья, в золото и дорогие камни. Но под этим шёлком, золотом и дорогими камнями спряталось чёрное, бессильное горе, давившее молодое сердце Кара-Нингиль, как могильная плита.

V

Свою свадьбу Узун-хан захотел отпраздновать в Девичьем Городе, где шли усиленные приготовления. В центре устроен был шёлковый розовый шатёр на золотых столбах, кругом него шли одна за другой три ограды из шёлковых занавесей -- зелёная, жёлтая, синяя. Издали этот шатёр, украшенный флагами и расшитый золотом, походил на громад-

ный цветок. Внутри всё было убрано дорожками коврами, шёлковыми подушками, а по середине стояла широкая кровать из золота. Другие палатки образовали широкий полукруг. Узун-хан не хотел радоваться один и раздарили остальных девушек своим приближённым, военачальникам и любимцам. Досталась жена даже Учи-Буш, правда, самая некрасивая, но недостававшую жене красоту должна выкупать мудрость великого учёного. Не досталось жены только Джучи-Катэм, которому Узун-хан сказал:

— У тебя, лучший из двух моих глаз, не должно быть другой радости, кроме моей... Ты будешь постоянно при мне, вместе с Алтын-Тюлгю.

Чтобы царской невесте не быть одной, Узун-хан велел ей выбрать аячек из обоих садов, и Кара-Нингиль выбрала одну Ак-Бибэ, а по её указаниям и других. Когда Узун-хан узнал о сделанном выборе, то весело рассмеялся.

Ко дню свадьбы в Зелёный Город со всех сторон пришли и приехали любопытные люди, желавшие видеть своими глазами, как ра-

дуется великий хан. Когда в городе не хватило места, поселились в палатках за городом, где в зелёных берегах весело катился быстрый Ик. Всё это радовало сердце Узун-хана, и он велел выстроить вокруг Девичьего Города все свои войска, -- пусть все радуются, кто делил с ним труды и опасности войны. По обычаю, невеста должна была приехать во дворец хана, но на этот раз Узун-хан изменил его и сказал:

-- Не земля ходит вокруг земли, а солнце, так и ханское сердце...

Уучи-Буш выбрал самый счастливый день для свадьбы, как говорила ему его мудрость.

У Кара-Нингиль было столько ханских подарков, что если бы надеть на неё все шёлковые материи, золото и камни, то её раздавила бы эта тяжесть. К ней в шатёр имели право входить только её аячки и Алтын-Тюлгю, а из мужчин один Джучи-Катэм. В свадебную ночь он должен был спать в шатре, охраняя спокойствие новобрачных, -- большего наказания не мог бы придумать сам дьявол. Но у Джучи-Катэм в груди билось железное сердце, и он ходил с весёлым лицом, точно же-

нился на Кара-Нингиль не Узун-хан, а он. Это ввело в заблуждение и Кара-Нингиль: о, Джучи-Катэм никогда не любил её!.. Чему он радуется?.. Все кругом радовались, и одна Кара-Нингиль плакала потихоньку от всех.

Утром в день свадьбы Джучи-Катэм шепнул ей:

-- Не бойся, моя радость, и слушайся во всём Ак-Бибэ, как будто бы говорил это я. Когда я вижу тебя во сне -- я умираю, а просыпаюсь и вижу тебя наяву -- ещё раз умираю... Ты будешь царицей, моё сердце.

Эти слова ободрили Кара-Нингиль. Ведь кругом были все чужие, и она знала одного Джучи-Катэм, -- знали его её сердце и глаза. О, он такой красивый и мужественный, настоящий, батырь! Одно его слово стоило всего её девичьего горя.

Рано утром в Зелёном Городе протрубила первая труба, а ей ответила из Девичьего Города другая. Это послужило сигналом для праздника. Тысячи людей, разодетых в лучшие платья, ожидали с нетерпением редкого праздника. Между двумя городами расположились двумя живыми стенами войска. Пе-

ред шатром Кара-Нингиль в полукруг были устроены места для пира, а для Узун-хана и Кара-Нингиль один высокий трон под жёлтым шёлковым балдахинном. С этого места Узун-хан должен был показать всему народу новую царицу.

Громко били барабаны, трубили трубы, играла всякая музыка, только глухо затворилось сердце одной Кара-Нингиль. Страшная минута быстро приближалась, как грозная туча. Над Зелёным Городом уже стоит целое облако пыли, поднятое лошадиными копытами. Издали несётся гул человеческих голосов, точно гудит морской прибой. Когда показался из дворца сам Узун-хан, поднялся такой крик радости, что, казалось, сама земля дрогнула. Он ехал со своею свитой верхом, и чем ближе подъезжал к Девичьему Городу, тем сильнее играла музыка, а народ бежал вслед толпами, как выступившая ив берегов вода. Задрожало сердце у Кара-Нингиль, но она перемогла себя, чтобы встретить жениха с весёлым лицом. Когда поезд уже въезжал в Девичий Город, девушкой овладел страх опять, но она ещё раз победила себя и точно вся застыла.

-- Скоро всё кончится... -- шептала Ак-Бибэ, прислуживавшая Кара-Нингиль аячкой. -- Ты будешь царицей... и будешь одна.

Когда Узун-хан подъехал к шатру, Кара-Нингиль должна была его встретить во главе своей женской свиты. Уучи-Буш прочитал стихи и жениху, и невесте, что было его обязанностью, а Джучи-Катэм помог спуститься Узун-хану с лошади, вернее, снял его с седла, как подстреленную ворону. Узун-хан взял Кара-Нингиль за руку и ввёл её на царское место, рядом с собой, чтобы весь народ видел новую царицу. Играла музыка, били барабаны, тысячи народа и всё войско кричали, как сумасшедшие. Для праздника было зарезано стадо быков, тысяча баранов и везде были расставлены бочки с вином. Ликовал и радовался весь народ, как ханское сердце, а Уучи-Буш читал новые стихи в честь уже новобрачных и певцы пели их под аккомпанемент музыки.

-- Любишь ли ты меня, царица? -- спрашивал Узун-хан, тряся головой.

-- Разве тебя можно не любить, мой повелитель? -- отвечала Кара-Нингиль.

-- О, не повелитель, а подданный... -- шептал расслабленный страстью старик и у него даже глаза слезились от радости.

Пир продолжался целый день, пока не закатилось солнце, и пока Узун-хан не отдал приказ разойтись всем. Девичий Город сразу опустел, только кругом огненным кольцом охватили его костры парадной стражи, да играла музыка. Напуганные шумом соловьи сегодня не пели, и сердце Кара-Нингиль замерло, как те птицы, которые в холодную зиму замерзают на лету.

В шатре оставалась она теперь одна с Узун-ханом. Джучи-Катэм почтительно стоял у входа и ждал приказаний. Алтын-Тюлгю и аячки толпились, как овцы, в первой ограде, -- они должны были раздевать невесту, когда Узун-хан ляжет в постель.

-- Нравится тебе моя невеста? -- спрашивал Узун-хан верного слугу Джучи-Катэм. -- Это звезда, которая упала для меня с неба...

Когда аячки совсем раздели Узун-хана, и он улёгся в постель, на дорогой ковёр, Джучи-Катэм подал условный знак своей дочери Ак-Бибэ. Все аячки бросились к хану, закрыли

его сверху шёлковым брачным одеялом и, схватив ковёр за края, принялись трясти, как тавшегося под одеялом, Узун-хана. Это была почётная казнь для всех принцев крови, потому что существовал закон, по которому "солнце не должно было видеть ханской крови". Всех аячек было больше двадцати и они так сильно трясли ковёр на воздухе, что старик скоро перестал кричать, и его дряхлое, грешное тело каталось под одеялом, как кусок масла, когда трудолюбивая хозяйка сбивает молоко. Джучи-Катэм только распорядился, -- криков хана не было слышно за звуками игравшей у шатра музыки. Помертвевшая от страха Алтын-Тюлгю ползала теперь у ног Джучи-Катэм и молила о пощаде, но он ей только указал на стоявшую в углу Кара-Нингиль.

-- Вот наша царица: проси помилования у неё...

Всё это произошло так быстро, что Кара-Нингиль опомнилась только тогда, когда Узун-хан был уже мёртв. Джучи-Катэм опустился перед ней на одно колено и сказал:

-- Великая царица Кара-Нингиль, отныне

ты одна наша повелительница...

Кара-Нингиль строго посмотрела на Джучи-Катэм и ответила:

— Если ты будешь служить мне так же как Узун-хану, та я тебя оставлю при моём дворе в прежней должности... Объяви народу через бирючей, что великий Узун-хан скончался от радости. Да будет благословенно имя великого хана и моего мужа!..

Когда Зелёный Город проснулся на другой день, ханская стража, стерёгшая Девичий Город, уже провозгласила царицей Кара-Нингиль. За ней последовали все другие войска, и Кара-Нингиль при звуках труб вступила в Зелёный Город, где и заняла ханский дворец. По приказанию Джучи-Катэм, все сто сыновей Узун-хана были перерезаны в эту же ночь, а дочери заключены в Баги-Дигишт до распоряжения новой царицы. Он ехал в торжественной процессии, когда Кара-Нингиль вступила в Зелёный Город, рядом с царицей и раскланивался с кричавшим от восторга народом, как ни в чём не бывало. Кара-Нингиль ничего не знала о несчастной судьбе убитых принцев и радовалась, как вырвавшаяся на волю

птица, -- она осталась девушкой, какой была в Чолпан-Тау.

Учи-Буш встретил её при вступлении во дворец теми стихами, какие были приготовлены на этот случай для Узун-хана. Город опять ликовал... Что же? Великий Узун-хан умер от радости и есть новая царица. Мёртвый Узун-хан лежал в шатре один, как издохший осёл: даже старые верные слуги перебежали на сторону новой царицы. Всякому было до себя, а старый хан не нуждался больше ни в чьём участии, кроме облепивших его мух.

VI

Когда Кара-Нингиль узнала о произведённой Джучи-Катэм резне, сердце её ужаснулось. Убито сто ханских сыновей -- это такая страшная жертва, которой куплено было её ханство. Она призвала к себе Джучи-Катэм и объявила ему:

-- Джучи-Катэм, я теперь знаю, чем я обязана тебе... Раньше мне казалось, что я любила тебя. У тебя сердце тигра, Джучи-Катэм...

-- Я только мстил за свой позор... -- ответил Джучи-Катэм, опуская глаза. -- Узун-хан всё отнял у меня, и я двадцать лет таил в себе эту месть. Теперь ты царица и Джучи-Катэм будет ягнёнком.

Но Кара-Нингиль не верила батырю и старалась не видеть его. Даже Алтын-Тюлгю, и та оправдывала Джучи-Катэм: разве мог он поступить иначе, когда все ханы, вступая на престол, вырезают своих соперников до последней головы? "Так велось исстари и так будет всегда", -- уверяла старуха, трепетавшая за свою голову.

Те ханские жёны-наложницы, которые участвовали в умерщвлении Узун-хана, сделались теперь приближёнными Кара-Нингиль, и во главе всех стояла смелая девушка Ак-Бибэ. Через неё Кара-Нингиль знала всё, что делается в Зелёном Городе, что говорится в войсках про новую царицу, и даже что происходит в самых отдалённых провинциях.

Когда Узун-хан был похоронен с подобающею великому человеку пышностью, и над его могилой вырос громадный памятник, Кара-Нингиль уничтожила оба ханских сада, а

томившихся в них красавиц выдала замуж за лучших военачальников. Были довольны и бывшие ханские жёны, получившие молодых мужей, а также и мужья, получившие красивых жён с богатым приданым. Всё войско сказало, что Кара-Нингиль мудрая женщина. Остались около Кара-Нингиль только те, которые составляли её свиту в Девичьем Городе. Их она не отпустила: она не знала мужа, и они не должны были выходить замуж. Это служило как бы платой за убийство Узун-хана.

Когда ханские сады опустели, Кара-Нингиль захотела их осмотреть. Ведь, об этих садах ходили волшебные рассказы, -- в них Узун-хан собрал все сокровища, награбленные в Средней Азии, в Китае и Персии. Назначен был день для этого осмотра, и когда Кара-Нингиль вошла в Летафет-Намех в сопровождении своей свиты, все цветы повяли на её глазах. То же самое повторилось и в Баги-Дигишт. Это очень огорчило Кара-Нингиль, и она не захотела осматривать роскошных дворцов, где томились в своей золотой неволе ханские жёны, наложницы и неволь-

ницы.

-- Это сделал какой-нибудь колдун. -- объясняла Алтын-Тюлгю, испуганная не меньше царицы. -- Мало ли на свете дурных людей.

Уучи-Буш подтверждал мнение Алтын-Тюлгю, но Кара-Нингиль была грустная и думала про себя:

"Цветы не выносят моего присутствия, потому что из-за меня столько пролито невинной крови..."

Она теперь стала бояться каждого цветка. В ханском дворце не было цветов, и она могла оставаться спокойной, но это её ужасно мучило, хотя она никому и не говорила. Проходили дни недели, месяцы, а Кара-Нингиль всё думала об одном. Несколько раз через Алтын-Тюлгю она тайно доставала цветы, и каждый раз они умирали на её глазах, точно на них дохнул холодный северный ветер. Кара-Нингиль боялась, что народ узнает об этом и откроет в ней убийцу Узун-хана.

-- Буду делать добро, и тогда Бог снимет с меня это проклятие, -- думала Кара-Нингиль.

Первым делом она не дала в обиду Алтын-Тюлгю, до которой добирался мститель-

ный Джучи-Катэм, а потом сохранила жизнь Уучи-Буш, учёная голова которого готова была отделиться от туловища по одному слову всеильного Джучи-Катэм. Хотелось Кара-Нингиль увидеть Байгыр-хана, но сам старик был настолько дряхл, что не мог приехать к ней в Зелёный Город, а она не могла отправиться в Чолпан-Тау, чтобы не выдать себя -- на Чолпан-Тау цветов было мало, а Кузь-Тау стояла совсем голая, но были цветы по дороге туда, в тех горных долинах, по которым бежали бойкие горные речки. Невозможность увидеть Байгыр-хана сильно печалила Кара-Нингиль, но ей нельзя было вырваться из Зелёного Города.

Джучи-Катэм сделался главным человеком во владениях Узун-хана, и от него зависело всё. Но его не радовали ни власть, ни богатство, ни почести, потому что Кара-Нингиль разлюбила его. То, чего не мог отнять Узун-хан, ушло само собой. Своё горе он забывал в работе, а работы было много. Между прочим, оказалось, что из прямых наследников Узун-хана оставался ещё в живых один, именно мальчик лет десяти, Аланча-хан. Он каким-то

чудом спасся от общего избиения ханских сыновей и бежал в горы, к китайской границе. Во что бы то ни стало необходимо было добыть этого последнего потомка Узун-хана, и только тогда царствование Кара-Нингиль будет обеспечено вполне. Конечно, Джучи-Катэм не выдал никому своей работы и вёл дело в величайшей тайне. Аланча-хан скрывался в простой юрте у пастухов-киргизов и, как байгуш [*Байгуш -- нищий*], пас стадо. Целый год Джучи-Катэм выслеживал, и только через год его схватил. Судьба мальчика была решена вперёд и Кара-Нингиль не должна была ничего знать.

Но вышло иначе. О судьбе маленького Аланча-хана рассказала Кара-Нингиль хитрая Алтын-Тюлгю, в форме сказки, и царица горько плакала над судьбой несчастного ребёнка. Когда же она узнала, что эта сказка -- быль, и что Аланча-хан жив, она призвала к себе Джучи-Катэм и стала на коленях умолять его не убивать невинного ни в чём ребёнка.

-- Перед тобой ползает на коленях царица, -- говорила Кара-Нингиль, ломая руки.

-- Царица молит о своей и моей гибели, -- повторял непреклонный Джучи-Катэм. -- Или он, или мы.

-- А если тебя будет просить не царица, а Кара-Нингиль, та Кара-Нингиль, которая тебя любила?.. Тебя просит бедная девушка из Чолпан-Тау...

Повернулось железное сердце Джучи-Катэм от этих слов, и его сильные руки опустились. Что было ему делать? Аланча-хан подрастёт и казнит их всех... Но Кара-Нингиль так плакала, так молила его и даже целовала полы его платья, что Джучи-Катэм не устоял, -- так вода подмывает самые большие горные скалы.

-- Кара-Нингиль, помни: ты сама этого желала, -- сказал Джучи-Катэм, поклонился и вышел.

Аланча-хан был спасён. Его поселили в Баги-Дигишт, окружили дворец высокою стеной, поставили строгий караул и вообще приняли все меры, чтобы Аланча-хан не вырвался из своего заточения на волю. Кара-Нингиль плакала от радости.

VII

Аланча-хан был заживо погребён в Баги-Дигишт, и его окружала во дворце немая стража, -- это были те несчастные пленники, которым Узун-хан велел вырезывать языки. Джучи-Катэм составил из них верную охрану и каждый день утром и вечером приходил по-верять их. Каждому ослушнику, оставившему своё место, грозила смертная казнь. Маленький Аланча-хан точно очутился в царстве мёртвых и не слышал живой человеческой речи. Он, как тень, бродил по комнатам своего дворца, гулял в саду и целые дни проводил у фонтанов, точно разговаривавших с ним. Да, здесь не молчали одни фонтаны, да по ночам плакали в зелени чинар, миндалей и кипарисов соловьи. Немая прислуга объяснялась с ханом знаками, да и то только в крайних случаях. Мальчик ничего не знал: зачем его засадили сюда, зачем держат в неволе, зачем, наконец, не убьют, как убили его братьев. Он бродил по Баги-Дигишт, как живая тень самого себя.

Как тихо тянулось время в Баги-Дигишт,

так быстро оно катилось за его стенами, там, где раскинулся Зелёный Город. Дни, недели, месяцы летели здесь, как птицы, особенно для Кара-Нингиль. Из неопытной и молоденькой девушки она сделалась совсем большою, но такую же красивой и свежей, как при вступлении на престол. Её сверстницы, вышедшие замуж, успели уже состариться, потому что родили детей, заботились, радовались и плакали, а Кара-Нингиль, по-прежнему, оставалась девушкой и не знала мужского поцелуя. Она даже боялась мужчин, от которых все несчастья на земле: и война, и рождение детей, и слёзы обманутых жён, и много других несправедливостей, какие делают сильные над слабыми. Кара-Нингиль решила остаться девушкой, чтобы посвятить свою жизнь своему народу и помаленьку исправить всё то зло, какое нанёс ему жестокий Узун-хан. В среде её приближённых много было красавцев-батырей, но ни на одного не упал ещё милостивый взгляд царицы, точно застывшей в своей заколдованной красоте. Процветало земледелие, ремёсла, торговля, искусства, и счастливый народ превозносил

свою мудрую царицу Кара-Нингиль, которую видели только одни придворные. Поседела чёрная борода у самого Джучи-Катэм, а Кара-Нингиль всё оставалась девушкой, ревниво охраняя "лёд своей девичьей гордости", как говорит поэт Гафиз.

Никто, кроме Алтын-Тюлгю и Ак-Бибэ, никто не знал, как скучает эта неприступная красавица, когда остаётся одна. Простые люди и не должны были этого знать, а иначе они перестали бы уважать свою царицу. Прежде всего, она должна была сама уважать себя и говорила:

-- Я царица не потому только, что Узунхан женился на мне, а потому, что я из древнего ханского рода... Я -- природная царица, настоящей царской крови.

Соседние государи попробовали было воспользоваться смертью Узун-хана, чтобы завоевать его царство, но Джучи-Катэм победоносно разбил их наголову и мог бы ещё завоевать новые владения. Кара-Нингиль не хотела этого. Пусть только её не трогают. Мало-помалу она так привыкла к своей власти, что считала себя необыкновенною женщиной, со-

всем непохожею на тех девушек, которые выходят замуж, рожают детей и быстро изнашиваются в суете своих ежедневных женских забот. Она -- царица, и для неё нет обыкновенных радостей, горя и слёз. Когда ей делалось скучно, Алтын-Тюлгю рассказывала свои сказки, а весёлая Ак-Бибэ пела песни.

Но Кара-Нингиль очень часто уходила в самую дальнюю комнату своего дворца, запиралась и долго плакала, -- никто не должен был видеть этих женских слёз, даже Ак-Бибэ и Алтын-Тюлгю. В Кара-Нингиль с страшною силой боролись царица и женщина. Выходила она из своего затвора такая весёлая и спокойная, так что никто не знал, что она там делала. Не укрылась эта женская хитрость только от старых глаз Алтын-Тюлгю, которая, как собака, ловила каждое движение своей госпожи. Однажды она сказала царице:

-- Казни меня, царица, но ты плакала...

Кара-Нингиль вся вспыхнула, как пойманный на месте вор, но ничего не ответила глупой старухе. В другой раз Алтын-Тюлгю сказала ей:

-- Ты хорошо делаешь, что не знаешь ни

одного мужчины, но, ведь ты состаришься и тогда пожалеешь. Вели меня казнить, но я говорю правду...

Кара-Нингиль не казнила Алтын-Тюлгю, а только рассмеялась.

Ак-Бибэ думала другое: когда Кара-Нингиль начинала скучать, она придумывала какое-нибудь развлечение. Раз она сказала царице:

-- Пойдём, посмотрим, что делает Аланча-хан... Он нас не увидит, а мы его посмотрим. Он уже совсем большой и, как говорят, очень красив.

Кара-Нингиль согласилась на эту глупость и отправилась в Баги-Дигишт вместе с Ак-Бибэ. Аланча-хан гулял в саду, а они смотрели на него через отверстие в стене сада.

-- Ах, какой красивый! Настоящий хан! -- шептала Ак-Бибэ. -- Какая у него гордая осанка, какие горячие глаза... Как жаль, что его нельзя выпустить из неволи. Джучи-Катэм неумолим...

Кара-Нингиль ничего не отвечала и вернулась домой задумчивее обыкновенного. В следующий раз она переделалась аячкой и отпра-

вилась в Баги-Дигишт одна. Стража её знала и пропустила. Аланча-хан опять гулял в саду и очень удивился, когда увидел перед собой скромно одетую девушку.

-- Ты зачем здесь? -- спросил он и удивился звуку собственного голоса, -- он совсем отвык говорить вслух.

-- Меня послала к тебе Кара-Нингиль, наша царица, спросить не нужно ли тебе чего-нибудь? -- ответила Кара-Нингиль, скромно опуская глаза, как настоящая аячка.

-- Я с женщинами не имею дела, -- гордо ответил Аланча-хан и даже выпрямился, как молодой тополь. -- Скажи Кара-Нингиль, что она дурная женщина... Она убила моих братьев и захватила престол. Она хочет заморить меня здесь, в этой раззолоченной могиле, и я удивляюсь, почему она просто не велела меня казнить. Так ей и скажи, я не боюсь смерти... Бог нас рассудит.

-- Кара-Нингиль лучше, чем ты думаешь... Ей приписывают многое, чего она и не думала никогда делать, а делают другие от её имени. О хорошем не говорят, а худое видят все...

-- Видно, сладко тебя кормит Кара-Нин-

гиль, если ты так нахваливаешь её, -- ответил грубо Аланча-хан и засмеялся.

Это обидело Кара-Нингиль, как удар ножа, и глаза её засверкали, но она удержала свой гнев и опять принялась хвалить мудрую царицу, которая жертвует собой для других.

-- Если ты пришла только за этим, то это напрасный труд, -- ответил Аланча-хан, отвернулся и прибавил, -- Скажи своей Кара-Нингиль, что я её ненавижу, как все сто моих зарезанных братьев... Во мне царская кровь, а она дочь простого пастуха...

Домой Кара-Нингиль вернулась огорчённая и разгневанная. Зачем он ненавидит её и обвиняет в том, что она никогда не делала? Это несправедливо. Но какой у него гордый вид, у этого Аланча-хана... Кара-Нингиль всё думала о нём, и в её сердце, как вор ночью, прокралось чувство сожаления к несчастному узнику. Бедный Аланча-хан!.. Что ни делала Кара-Нингиль, мысль о ханском сыне не покидала её. Как она не нашлась тогда на его дерзость рассказать всё то, что она знала об Узун-хане и о том, как он обезлюдил Голодную Степь, разрушил многие города и бесче-

ловечно истребил ханские роды, в том числе и её род? О, нужно ещё раз идти и сказать этому гордому мальчишке всё... Так и сделала Кара-Нингиль. Аланча-хан опять гулял в саду и точно поджидал её. Она уже приготовилась высказать ему всё, как он остановил её.

-- Ах, как мне скучно, аячка... -- прошептал Аланча-хан и отвернулся, чтобы скрыть непрошеную слезу. -- Ты тогда говорила, что Кара-Нингиль справедлива и желает сделать всё, чтобы улучшить моё положение. Я тогда не хотел унижаться до просьбы, но теперь скажи ей: Аланча-хан просит Кара-Нингиль, пусть она позволяет своей аячке приходить в Баги-Дигишт каждый день.

-- Это невозможно!.. -- перебила его Кара-Нингиль и покраснела.

-- Но, ведь, это ей ничего не стоит? Разве мало у ней аячек, чтобы уступить мне всего одну?.. Потом ты не можешь понимать, как подумает царица. Может быть она будет посылать тебя...

Прежнего гордого ханского сына точно не было, а был несчастный человек, который точно постучался в душу Кара-Нингиль. Вме-

сте с тем, ей ужасно было обидно, что он принимает её за простую аячку, которой царица может распоряжаться, как ей угодно. Да и он видит в ней просто женщину, которая усладила бы скуку одиночества. Но глаза Аланча-хана говорили другое: они так любовно проводили её, и столько в них было печальной мольбы. Кара-Нингиль не выдержала и бежала от него, как бежит аргали от охотника, Он не спорил с ней, как в первый раз, не бранил Кара-Нингиль; она увидела его печальным... Нет, больше -- он полюбил её с первого раза, и полюбил не как царицу, а как полюбил бы всякую другую девушку.

Это приключение взволновало Кара-Нингиль. Притом, всё происходило при такой сказочной обстановке. Царица видела Аланча-хана даже во сне, и он шептал ей ласковые слова и всё смотрел своими тёмными, печальными глазами, смотрел прямо в душу. Душно ей было в своём дворце, и во сне Кара-Нингиль шептала те ласковые слова, которые душили её. Но идти в третий раз к нему она не решилась: зачем напрасно мучить бедного недоступным призраком? А если он ждёт её? По

крайней мере, нужно же ему сказать, что Кара-Нингиль не согласна отпустить к нему свою любимую и самую преданную аячку.

С этими мыслями Кара-Нингиль шла в третий раз в Баги-Дигишт, но при входе стража загородила ей дорогу.

-- Джучи-Катэм не велел пускать никого...

-- Даже и меня? Вы знаете, кто я...

-- Даже и тебя, царица.

-- А, так вот как... -- прошептала пристыженная Кара-Нингиль, и глаза её засверкали небывалым ещё огнём.

VIII

Джучи-Катэм был схвачен и заключён в Летафет-Намех. Он сделался таким же узником, как и Аланча-хан.

-- Кто меня велел схватить и за что? -- спрашивал он, оглушённый всем случившимся.

-- Сама царица.

-- Не может этого быть! Дайте мне случай переговорить с ней, и царица увидит, что я страдаю невинно!.. Я всегда желал ей одного

добра.

Но Кара-Нингиль не пожелала видеть Джучи-Катэм, а только послала к нему Алтын-Тюлгю сказать, что царица может поступать, как хочет, и каждый послушник её воле понесёт достойное наказание. Ничего не ответил Джучи-Катэм, а только низко опустил свою голову: вот награда за его верную службу и преданность.

Все ждали, кого назначат на место Джучи-Катэм, и какой счастливец приблизится к царице, но Кара-Нингиль хотела показать, что она настоящая царица и всеми государственными делами может править одна. Её воля -- закон для всех.

Теперь путь в Баги-Дигишт был открыт, и Кара-Нингиль могла отправляться туда, когда хотела. Эта свобода сначала даже её немного смутила, и она точно не решалась воспользоваться ею, как долго сидевшая в клетке птица, которая расправляет крылья, прежде чем унести в небо. Ей было совестно пред Ак-Бибэ и другими женщинами. Но её так и тянуло в Баги-Дигишт: наверное, Аланча-хан ждёт её и скучает. Он действительно ждал и, когда

она пришла, по-прежнему, скромною аячкой, он умоляюще протянул руки:

-- Мне казалось, что я умер, пока не видел тебя, -- ласково шептал он. -- Ну, что Кара-Нингиль? Чем больше я думаю, тем больше мне хочется увидеть её... Я знаю про неё всё; она первая красавица во всём государстве.

-- Ты красивее её, Аланча-хан... Но твоя красота, как спрятавшееся за тучами солнце. Потом Кара-Нингиль глупа... Когда я ей сказала о твоём желании иметь в услужении аячку, она ответила: иди к нему и сделай всё, чтоб он не скучал.

-- Нет, она мудрейшая из всех женщин!.. Значит, ты будешь приходить ко мне каждый день?

-- О, нет... Я могу приходить только иногда, но оставаться здесь не могу. Кара-Нингиль сказала: "Ты идёшь к нему чистою девушкой и такую же возвратишься, а иначе я тебя казню".

Аланча-хан только засмеялся, а Кара-Нингиль опустила глаза. Каждый раз, когда она приходила к нему, он начинал её расспраши-

вать про царицу, точно влюблённый. Сердце Кара-Нингиль усиленно билось, но она не открывала своего настоящего имени. Когда Аланча-хан скучал, она рассказывала ему сказки, те сказки, где влюблённые не узнавали друг друга, а злая судьба смеялась над ними. Все свои мысли и чувства Кара-Нингиль передавала в этой форме и наблюдала, какое действие они производят на Аланча-хана. Когда она входила в Баги-Дигишт, то совсем изменялась, -- гордая царица оставалась у ворот сада, а здесь была скромная девушка, боявшаяся каждого ласкового взгляда.

Случилось то, что равняет всех женщин. Когда Аланча-хан в первый раз обнял и поцеловал Кара-Нингиль, она задрожала, как подстреленная аргали, и только прошептала:

-- Что ты делаешь? Что я скажу Кара-Нингиль?

-- Скажи ей, что я так хочу.

Кара-Нингиль едва вырвалась из его объятий и долго не показывалась в Баги-Дигишт. Зачем он поцеловал её?.. Этот поцелуй точно ожог её, и, просыпаясь ночью, она протягивала руки невидимому Аланча-хану. Конечно,

он мог поцеловать простую аячку, но гордость царицы Кара-Нингиль была оскорблена. О, она его любит, но он никогда не должен знать об этом!

В следующее свидание Кара-Нингиль, сказала Аланча-хану:

-- Я бедная девушка, и ты меня оскорбил своим поцелуем!

-- Я тебя люблю, аячка, -- отвечал Аланча-хан.

-- О, разве такая бывает любовь?.. Тебе скучно здесь сидеть одному, вот ты и приласкал аячку. Но ты забыл, что обманываешь Кара-Нингиль, которая тебе верит. Твоя любовь погубит меня, как солнце выжигает весеннюю траву в степи. Если бы ты был ханом, то как Узун-хан каждый год собирал бы со всего государства самых красивых девушек и запирали бы в своих садах. Это несправедливо, и это не любовь.

-- Милая девушка, власть портит людей, но сейчас я знаю только одно, что люблю тебя, и больше не знаю ничего... Если бы я был ханом, то сделал бы тебя своею женой.

-- А если бы к тебе пришла сама Кара-Нин-

гиль?.. Ты забыл бы и меня, и всех на свете.

-- Она -- жена моего отца.

-- Только по имени... Она осталась чистою девушкой и гордится этим. И если бы Кара-Нингиль пришла к тебе, сама царица Кара-Нингиль, и сказала бы, что люблю тебя... О, ты забыл бы меня!

-- Никогда! -- повторял Аланча-хан и протягивал умоляюще руки, точно так, как Кара-Нингиль видела его во сне. -- Если бы я был ханом, я прежде всего казнил бы Кара-Нингиль... Я её ненавижу.

-- А зачем ты так часто спрашиваешь меня о ней?

-- Потому, что ты так её расхваливаешь. Случилось то, что бывает с красивыми и некрасивыми девушками. Кара-Нингиль провела целую ночь в Баги-Дигишт и утром горько плакала.

-- Что я скажу теперь Кара-Нингиль? -- повторяла она, не слушая утешений Аланча-хана. -- Я обманула её... Она будет теперь презирать меня. Как я покажусь к ней на глаза?

-- Оставайся здесь, -- просил хан. -- Или подговори стражу и бежим.

Кара-Нингиль-аячка ревновала теперь Аланча-хана к собственной тени, к той неприступной царице Кара-Нингиль, которая не должна была знать обычных женских слабостей. Она возненавидела Аланча-хана, которому отдала всё. Но неотразимая сила влекла её опять в Баги-Дигишт, и Кара-Нингиль пила здесь полною чашей отравленные радости своей первой любви. Она была счастлива, что Аланча-хан весел, и что она развлекает его в уединении, как та птичка, которая поёт на окне заключённого в тюрьме. Возвращаясь домой, она опять делалась неприступною царицей, пред которою трепетали все. О, она умела показать, что Кара-Нингиль может править государством так же мудро и без Джучи-Катэм! Из дальних стран приезжали любопытные посмотреть, как управляет целым государством молодая женщина, и восхваляли её. Уучи-Буш прославлял её в своих стихах, которые распевались бродячими певцами. Народ благоденствовал, торговля процветала, и только одни войска роптали, вспоминая походы Узун-хана, когда они могли грабить, убивать и уводить в плен.

Кара-Нингиль была счастлива так же про себя, как раньше плакала одна, -- никто не должен был знать об её тайных радостях. Цветы по-прежнему вяли в её присутствии, но ей теперь было не до них.

IX

Джучи-Катэм сидел в заключении уже два года и ничего не знал, что делается там, за пределами его тюрьмы. Он был окружён такою же немою стражей, как и Аланча-хан. Целые дни он гулял в саду и чутко прислушивался к гулу, который доносился из Зелёного Города. Что-то теперь делается там, и что делает царица Кара-Нингиль, заплатившая ему чёрною неблагодарностью и за его услуги, и за любовь? У Джучи-Катэм даже не являлось мысли о бегстве: куда ему бежать, да разве он может бежать от Кара-Нингиль? Когда-то красивый батырь теперь поседел и опустился, -- это был уже старик. Но он был уверен, что наступит час, когда Кара-Нингиль вспомнит и про него, тот чёрный час, когда нужны одни верные слуги. Пусть царица радуется теперь с

Аланча-ханом, но эти радости дорого будут ей стоить. Джучи-Катэм видел даже во сне сад Баги-Дигишт и видел Кара-Нингиль, как она потихоньку от всех крадётся к своему любовнику, -- о, зачем тогда он не велел казнить этого проклятого ханского сына! Гордая и неприступная царица забыла для него всё -- и свою девичью гордость, и величие царицы, и его советы.

Раз ночью, когда Джучи-Катэм спал, его разбудил шум незнакомых шагов. В первую минуту он подумал, что пришли за ним, чтобы казнить его, и похолодел от ужаса, но потом в его комнату вошла Ак-Бибэ и бросилась отцу на шею.

-- Ты свободен! -- шептала она. -- Кара-Нингиль ждёт тебя.

-- Что-нибудь случилось? -- спрашивал Джучи-Катэм, не веря собственному счастью.

-- Аланча-хан бежал! -- ответила Ак-Бибэ, опуская глаза. -- Кара-Нингиль позволила ему съездить на охоту, а он бежал. За него войско и весь народ. С минуты на минуту ждут возмущения, а Кара-Нингиль заперлась в своём дворце. Народ забыл её благодеяния, её муд-

рое правление -- всё.

-- Я этого ожидал, -- задумчиво говорил Джучи-Катэм. -- Так должно было быть.

Кара-Нингиль с нетерпением ожидала в своём дворце появления Джучи-Катэм. Против неё было всё: обласканные ею князья, войско, народ. Пока Джучи-Катэм находился в заключении, сторонники Узун-хана делали своё тёмное дело на свободе. Она узнала обо всём последняя. Аланча-хан выпросил её позволение съездить на охоту и бежал. О, как он её умолял и она поверила его клятвам! Но было одно хорошо, до конца она осталась для него простою аячкой и не выдала своего настоящего имени.

Когда явился во дворец Джучи-Катэм. Кара-Нингиль приняла его спокойная и гордая, какую он знал её всегда.

-- Ты свободен, Джучи-Катэм, -- сказала она, -- и подумай о своём спасении. Войска передались на сторону Аланча-хана.

-- Царица, я умру вместе с тобой, -- ответил Джучи-Катэм. -- Счастье изменчиво, но мы ещё увидим, как справится этот мальчишка с Джучи-Катэм... Проклятое отродье Узун-

хана узнает меня.

-- Делай, что хочешь и как хочешь, -- решила Кара-Нингиль. -- Я виновата пред тобою.

-- Разве солнце может быть виновато, что ослепляет наши слабые глаза?

Джучи-Катэм рассчитывал на своё прежнее влияние на народ, но он в этом ошибся так же жестоко, как Кара-Нингиль в Аланча-хане. Народ успел забыть Джучи-Катэм и с нетерпением ждал, когда Аланча-хан подступит с войском к Зелёному Городу. В каждом Джучи-Катэм теперь видел изменника и не достало бы верёвок, чтобы их перевесить. Уучи-Буш в числе других перешёл тоже на сторону Аланча-хана и теперь воспевал его, как раньше воспевал Кара-Нингиль. Надежды на спасение с каждым днём оставалось всё меньше и меньше, а Аланча-хан с каждым днём был всё ближе и ближе. Ему, как победителю, сдавались один город за другим, и число войска увеличивалось с каждым шагом вперёд. Уже в самом Зелёном Городе появились возмутительные листы нового хана, написанные рукою Уучи-Буш.

-- Теперь всё кончено, -- сказал Джучи-Катэм, убедившись в тщетности всех своих усилий.

Это известие Кара-Нингиль выслушала совершенно равнодушно, точно всё так и должно было быть. Всё равно, прошлого не вернуть а о будущем она старалась не думать.

-- Нужно бежать, царица, -- говорил Джучи-Катэм. -- Аланча-хан подступит с юга, а мы уйдём на север.

-- В Чолпан-Тау? -- обрадовалась Кара-Нингиль. -- Может быть, ещё и Байгыр-хан жив, и я увижу его... О, скорее, скорее!..

Алтын-Тюлгю давно скрылась, и её даже не разыскивали. Джучи-Катэм решился бежать втроем: он, Кара-Нингиль и Ак-Бибэ. В ханской конюшне он сам выбрал шесть лучших аргамаков, чтобы бежать о дву-конь. Кара-Нингиль надела то самое платье, в котором её привезли в Чолпан-Тау, и ничего не взяли из ханских сокровищ. Для чего ей богатство, наряды и роскошь, когда сердце разбито? Она не согласилась бы бежать, если бы не желание увидеть в последний раз милые горы, где она выросла, и желание обнять ещё

раз Байгыр-хана. Ведь умереть не всё ли равно где?.. Один Джучи-Катэм не думал о смерти, а, напротив, жизнь ему только что начала улыбаться. Он увезёт Кара-Нингиль далеко-далеко, и она опять полюбит его. В любом соседнем государстве его примут с радостью и он отомстит Аланча-хану за его измену.

Беглецы ушли из Зелёного Города тёмною ночью, когда дремала вся городская стража. Впереди летел сам Джучи-Катэм, а за ним уже ехали Кара-Нингиль и Ак-Бибэ. Так они мчались два дня и две ночи, пока не достигли Чолпан-Тау.

-- Теперь мы дома, -- говорил радостно Джучи-Катэм. -- Аланча-хану нужно ещё идти неделю, прежде чем он нас догонит. Отдохнём у Байгыр-хана и опять в путь, через Голдную Степь.

Кара-Нингиль молчала. Её занимало больше всего то, что где они не проезжали, все цветы умирали сейчас же, точно за ними по пятам летела сама смерть. Это было страшное проклятие, которое она уносила с собой из Зелёного Города.

-- Что ты молчишь, царица? -- спрашивала

ласково Джучи-Катэм.

-- Я не царица, а Кара-Нингиль... Царица умерла... там, в Зелёном Городе умерла.

Х

Байгыр-хан сначала не узнал беглецов, а потом обрадовался. Раньше борода у него была белая, потом пожелтела, а сейчас была зелёная, как мох, которым обрастали деревья на Чолпан-Тау.

-- Мы в гости приехали, -- сказал Джучи-Катэм. -- Кара-Нингиль соскучилась по тебе.

Старик посмотрел столетними глазами на Джучи-Катэм и только покачал головой: царицы о дву-конь не ездят. Потом Джучи-Катэм рассказал всё Байгыр-хану и ничего не скрыл.

-- Наши несчастья только велики для нас самих, а если смотреть на них издали, то делаются всё меньше и меньше, -- ответил старик. -- Был Узун-хан, была Кара-Нингиль, теперь Аланча-хан, а после него кто-нибудь другой... Весной одна трава, осенью другая, а на

будущее лето третья. Труднее всего быть царём для самого себя... и бояться нужно тоже одного себя.

Сначала Кара-Нингиль обрадовалась, когда увидела Байгыр-хана, пещеру, в которой жила с ним маленькою девочкой, Кузь-Тау с её развалиной на самой вершине и все те места, где бегала беззаботным ребёнком. На горах цветов не было, и это её радовало: нечему умирать при её появлении. Кузь-Тау стояла голою каменистою шапкой, и по ней едва лепились только чахлые кустики. Но потом в Кара-Нингиль сделалась опять такою задумчивой и совсем равнодушной. Она любила сидеть у огня и смотреть туда, далеко вниз, где разлеглась жёлтым ковром Голодная Степь, а потом припоминала те песни, которые когда-то пел ей Байгыр-хан.

Через два дня, когда лошади отдохнули, Джучи-Катэм сказал:

-- Кара-Нингиль, пора ехать.

-- Куда? -- удивилась Кара-Нингиль. -- Я останусь здесь с Байгыр-ханом, а ты уедешь с Ак-Бибэ...

У Джучи-Катэм опустились руки. Как он

ни уговаривал, как ни упрасивал, как ни умолял Кара-Нингиль, она оставалась непреклонною.

-- Мне здесь хорошо, -- повторяла она упрямо одно и то же.

-- Царица, опомнись!

-- Я уже опомнилась.

-- Ведь, каждый час дорог... Если тебе не жаль себя, то пожалей меня с Ак-Бибэ.

-- Оставьте меня одну, а сами спасайтесь...

Джучи-Катэм со слезами умолял Кара-Нингиль, но она была равнодушна и к слезам.

-- А! так ты вот как поступаешь со мной? -- зарычал он на неё в страшной ярости, как раненый зверь. -- Тогда я свяжу тебя, как упрямую овцу, и увезу насильно!

-- Вяжи, если твоя рука подыметя на такое дело, но я живая не дамся.

-- О, когда так, то я тебе сделаю самое страшное, Кара-Нингиль... Клянусь тебе моею седою бородой, что сделаю то, о чём ты и не думала.

-- Что же ты сделаешь?

-- Что я сделаю?.. Я останусь здесь с тобой и буду ждать и своей, и твоей смерти. Алан-

ча-хан безжалостно убьёт обоих, но я постараюсь умереть раньше, чтобы ты видела мою смерть и казнилась... Ты этого сама хочешь, Кара-Нингиль!..

Теперь Кара-Нингиль со слезами умоляла Джучи-Катэм бежать, пока есть время, а её оставить здесь, но Джучи-Катэм оставался непреклонным, как скала.

Прошёл день, прошёл другой, а Кара-Нингиль оставалась совсем равнодушною к увеличивавшейся опасности. Ей было только жаль Ак-Бибэ, которая старалась плакать потихоньку от всех, -- ведь, Ак-Бибэ была ещё так молода и ей так хотелось жить.

Джучи-Катэм казался спокойным, но часто припадал ухом к земле и слушал, -- чуткое ухо батыря слышало дальше волчьего.

-- Погоня...

Кара-Нингиль даже не оглянулась.

-- Кара-Нингиль, погоня! -- повторил он.

Она оставалась неподвижною.

-- Царица, погоня! -- ещё раз повторил он, и Кара-Нингиль рассмеялась.

Ак-Бибэ громко плакала и рвала на себе волосы в отчаянии.

-- Если мы уйдём сейчас, то нас не нагонят, -- уговаривал Джучи-Катэм. -- У них лошади устали, а у нас свежие... Через день мы будем вне всякой опасности.

Не успел Джучи-Катэм договорить последнего слова, как в горах показались уже всадники. Их было много, и они спускались с горы в долину. Джучи-Катэм осмотрел свою саблю, копьё, лук со стрелами и сказал:

-- Смерть близко...

Тогда на Кара-Нингиль напал страх: ведь её могут живую взять в плен и привести в Зелёный Город жалкою невольницей.

-- Джучи-Катэм, убей меня, -- молила она. -- Лучше смерть, чем позор взятой в плен царицы...

Теперь засмеялся Джучи-Катэм: бежать было поздно.

Погоня была уже близко, так что можно было рассмотреть высокие бараньи шапки наездников, длинные пики с развевавшимися на них конскими хвостами и блеск оружия, -- это была старая ханская стража, первой изменившая Кара-Нингиль. Прищурил глаза Джучи-Катэм и узнал Аланча-хана, который

ехал в середине стражи на белом аргамаке.

-- Я не хочу здесь умирать... -- заявила твёрдо Кара-Нингиль. -- Давай лошадей и едем на Кузь-Тау. Там есть отличная защита.

Джучи-Катэм повиновался. Со страха Ак-Бибэ лишилась чувств, но Джучи-Катэм перекинул её поперёк седла и повёз с собой. Кара-Нингиль уговорила ехать с ними и Байгыр-хана, который сначала не хотел оставлять своей пещеры. Когда ханская стража подъезжала к этой пещере, три лошади, как кошки, карабкались на страшную кручу Кузь-Тау, даже издали было страшно смотреть на них, и сердце сжалось у самых храбрых.

Когда беглецы взобрались, наконец, на самую вершину, Джучи-Катэм поставил на стену старой башни свою пику с конским хвостом и, махая шапкой, крикнул вниз Аланча-хану:

-- Эй, вы, трусы, кто желает оставить здесь свою глупую голову?.. А тебе, Аланча-хан, я отрежу уши, как мальчишке, только покажи свой нос сюда!

Байгыр-хан смотрел под гору в другую сторону, где растилась Голодная Степь, и припо-

минал, как он бился на Кузь-Тау ещё с Узунханом.

XI

-- Им больше некуда уйти, -- говорил Уучи-Буш своему новому повелителю Аланча-хану. -- Они будут наши...

-- Главное, нужно взять их живыми, -- отвечал Аланча-хан. -- Я никогда не видал эту Кара-Нингиль...

-- Их там на Кузь-Тау двое: Кара-Нингиль и Ак-Бибэ. Хорошо было бы захватить живыми обеих и привести их в Зелёный Город закованными в цепи.

Аланча-хан никому не говорил об аячке, приходившей к нему в Баги-Дигишт, и только жаждал увидеть эту сказочную царицу Кара-Нингиль, о которой так много слышал. Все его победы ничего не значили перед этою последней; пока Кара-Нингиль на свободе, он ещё не хан. Между прочим, его удивляло, почему беглецы так долго оставались в Чолпан-Тау и не бежали дальше. Лучшие лошади с ханской конюшни спасли бы их от погони.

-- Лошадей всего шесть, а их четверо с Байгыр-ханом, -- объяснил Уучи-Буш. -- Они не могли бросить здесь беззащитного старика...

-- Ты слишком много приписываешь им великодушия, -- сердито отвечал Аланча-хан. -- Простая случайность...

Из ханской свиты сейчас же вызвалось несколько охотников взобраться на Чолпан-Тау и взять засевшую в ней горсть храбрецов в плен. Особенно волновался Уучи-Буш, которому Аланча-хан за его услуги подарил саблю. Он заявил, что сам полезет на Кузь-Тау, если это будет нужно. Когда Аланча-хану передали хвастливые слова Джучи-Катэм, он покраснел, как девушка: о, они все дорого заплатят ему за этот последний позор, только бы взять их живыми!

Первый приступ смелых охотников на Кузь-Тау закончился полной неудачей. Приходилось взбираться на страшную каменную кручу по одному, как лазят по горам аргали, и меткие стрелы Джучи-Катэм по одному снимали отчаянных храбрецов -- один за другим смельчаки летели вниз и разбивались вдре-

безги. Как Уучи-Буш ни размахивал своею саблей, как ни кричал, бегая под горой, из этого приступа ничего не вышло, кроме нескольких убитых.

-- Что же они трусят? -- кричал Уучи-Буш.

-- Да я один возьму это воронье гнездо...

-- А что Аланча-хан прячется, как баба? -- кричал с горы Джучи-Катэм, размахивая саблей. -- Пусть идёт сюда, а сойти с горы я ему помогу...

Аланча-хан скрежетал зубами в бессильной ярости, -- так, одного по одному, Джучи-Катэм перебьёт всю его свиту. Но Уучи-Буш утешил его:

-- Мы их и так возьмём, потому что там, на верху горы, нет воды...

-- Почему ты это знаешь?

-- А я слышу по ржанию лошадей.

-- Тогда мы их заставим сдать без капли крови, -- решил Аланча-хан.

У подножья Кузь-Тау были расставлены надёжные сторожа, а сам Аланча-хан разбил свой стан в долине. Из его палатки видна была вся Кузь-Тау и, лёжа на ковре, он мог видеть всё, что делается на её вершине. Появив-

шиеся на развалинах башни человеческие фигуры казались отсюда такими маленькими, как детские куклы, так что едва можно было отличить мужчину от женщины, и то благодаря только прозрачности горного воздуха.

Вечером весело загорелись огни в стане Аланча-хана, который теперь отдыхал после своих военных трудов и побед. Утомлённая походом стража тоже была рада отдохнуть. Загорелся огонь и на вершине Кузь-Тау, точно волчий глаз. Кругом стояла мёртвая тишина и только перекликались одни лошади, чуждые человеческой ненависти; печально ржали аргамаки с вершины Кузь-Тау и им весело отвечали пасшиеся на зелёной траве ханские лошади.

Аланча-хан весело пировал в кругу своих ратных сподвижников, когда над Чолпан-Тау быстро спустилась тёмная горная ночь.

-- Кто это поёт? -- спрашивал Аланча-хан, прислушиваясь.

-- А это безумный старик Байгыр-хан...

Действительно, это пел Байгыр-хан: он пел свои старые песни об Узун-хане, о старых ба-

тырях, кости которых рассеяны по Голодной Степи, о чудных красавицах, уведённых Узун-ханом в плен, о разрушенных городах и невидимо веявшей над всеми смерти. "О, смерть любит храбрых, -- пел Байгыр-хан, -- она не щадит и красавиц, которые проносятся перед нашими глазами, как падающие звёзды... Где стояли цветущие города, там сейчас мёртвая пустыня, а где стоят сейчас цветущие города, там в своё время будет пустыня. Узун-хан, ты много пролил человеческой крови, но тебе не мягче от этого лежать в своей могиле... Последний бедняк и самый великий хан равны в общей судьбе. Жить страшно только людям несправедливым, а смерть любит храбрых... Байгыр-хан ещё раз пришёл на Кузь-Тау и будет ждать здесь, как подлые трусы прольют его кровь. Не умрёт только одна слава худых дел и святые песни, в которых певцы оплакивают свою родину".

Аланча-хан прослезился, слушая песни Байгыр-хана. Горный воздух так чист, что доносил к его уху каждое слово. Задумались и те храбрецы, которые мечтали о военной добыче, засевшей на вершине Кузь-Тау: кто знает,

кому придётся вернуться домой живым, а Джучи-Катэм метко стреляет. Пока старик пел свои песни, а соратники Аланча-хана его слушали, Джучи-Катэм, как кошка, спустился с горы. По пути он зарезал заслушавшегося сторожа и вернулся на гору с водой, которую принёс в своей мохнатой шапке.

-- Вот, Кара-Нингиль, и вода, -- с гордостью заявил он, подавая свою мокрую шапку царице, -- а Аланча-хан дурак...

Томившиеся от жажды лошади весело заржали, когда почуяли свежесть принесённой воды. Но Кара-Нингиль не выпила ни одной капли, а отдала свою порцию Ак-Бибэ, которая лежала больная. Джучи-Катэм остатки воды передал Байгыр-хану. Бедным аргамакам так ничего и не осталось, и они смотрели на всех печальными глазами. Кара-Нингиль напрасно ласкала их и давала облизывать мокрую шапку, -- лошади рыли копытами землю и просили воды. Они следили за каждым шагом своих хозяев и призывно ржали, нагоняя на всех смертную тоску.

-- Отпустим лошадей... -- говорила Кара-Нингиль.

-- Ни за что! -- гордо отвечал Джучи-Катэм.
-- Это наша последняя надежда, которая умрёт вместе с нами... Если Ак-Бибэ настолько поправится, что в состоянии будет держаться в седле, мы пробьёмся мимо этих ханских ворон, которые умеют только пить и есть.

-- Джучи-Катэм, у тебя железное сердце...

Целую ночь не смыкала глаз Кара-Нингиль и всё сидела на верху старой стены, где любила сидеть ещё маленькою девочкой. Здесь в первый раз заметил её орлиный взгляд Джучи-Катэм, и вот она опять на любимом своём месте, над головой то же небо, там, вдали, та же Голодная Степь, но теперь сама она уже не та и принесла сюда с собой целый ад. Как лошади мучились от жажды, так ещё больше мучилась Кара-Нингиль от своих воспоминаний. И нет той воды, которая утолила бы её душу... Главный виновник всех её несчастий, который из любви к ней готов отдать жизнь, чужд её сердцу уже давно, и её мучит, что он решился умереть за неё. О, безумец Джучи-Катэм, зачем он здесь? А тот, кого выбрало её сердце, кому отдала всё, сторожит её, чтобы насладиться её последним позо-

ром... Но этого не будет: Аланча-хан не увидит царицы Кара-Нингиль и не узнает в ней любившую его аячку... Она умрёт в этих камнях царицей, как те храбрецы, которых любит сама смерть. Один раз, всего только один раз раскрылось её девичье сердце, и вот тяжёлая плата за её любовь... А она ещё думала, что царица Кара-Нингиль не походит на других женщин, и что ей чужда слабость. Проклятый день, когда её увидал в первый раз Джучи-Катэм!..

Для осаждённых ночи длинные, как для больных. Несколько раз Кара-Нингиль проводывала лошадей, которые, благодаря ночной прохладе, заметно успокоились, но это был только обман, чтобы они ещё сильнее почувствовали жажду с восходом солнца. То солнце, которое даёт жизнь и движение всему, погубит их всех. Кара-Нингиль тоже мучилась от жажды и прикладывала горевшую голову к холодным камням.

Джучи-Катэм не смыкал глаз и караулил, притаившись за камнем, Ночью всего легче было сделать вылазку сторожившему их врагу, и только усталость, вероятно, мешала спо-

движникам Аланча-хана воспользоваться темнотой. К утру Джучи-Катэм овладела усталость и орлиные глаза начали дремать. Только чуткое ухо сторожило каждый звук, и Джучи-Катэм вздрагивал от малейшего шороха в камнях, где гнездились ящерицы и змеи. Утром, когда долина покрылась туманом, небо сделалось серым, а камни точно отпотели, Джучи-Катэм забылся тревожным сном. Он очнулся, когда его шею обняли две тёплые женские руки, -- это была Кара-Нингиль. Она припала к нему своею головкой и горячо поцеловала.

-- Джучи-Катэм, я знаю твоё львиное сердце... -- шептала она, продолжая его обнимать, -- я знаю, что ты всегда любил меня... Но у меня одна к тебе просьба: уходи отсюда и забудь Кара-Нингиль. Я тебя целую, как брата, а моя любовь там, внизу... Дай мне умереть здесь одной, и я умру, как царица.

-- Я счастлив... -- отвечать Джучи-Катэм, -- да, я счастлив, что умру вместе с тобой, моя царица. Если жизнь нас разлучала, то пусть смерть соединит... Да будет благословен тот час, когда глаза мои увидали тебя в этих раз-

валинах!

XII

Проходит день над Чолпан-Тау, проходит другой. Весело пирует Аланча-хан в своей палатке и всё смотрит на Кузь-Тау, на вершину горы, где всё точно умерло. Истомившиеся от жажды лошади не могли больше ржать, и радуется сердце Аланча-хана. Скоро наступит тот желанный час, когда Кара-Нингиль сдастся, и он приведёт её в Зелёный Город своею пленницей и велит её казнить, как Джучи-Катэм казнил Узун-хана. Солнце не должно видеть ханской крови... Веселится Аланча-хан и веселятся с ним его спутники.

Утром и вечером выходит из стана Уучи-Буш и кричит:

-- Эй, вы, вороны, сдавайтесь... Аланча-хан поступит с вами, как велит его ханское сердце. Всё равно, передохнете с голода...

-- Приди и возьми, -- кричит с горы Джучи-Катэм. -- Ты, старый дурак, не стоишь даже того, чтобы тебя повесить.

Ах, как мучились бедные лошади на вер-

шине Кузь-Тау, и как болело за них сердце Кара-Нингиль!.. Они уже теперь не могли ржать, а только стонали, как люди. По ночам они лизали холодные камни, но днём солнце жгло так беспощадно, и лошади просто бесились от жажды и грызли друг друга. Ак-Бибэ лежала, как мёртвая, и всех бодрее чувствовал себя Байгыр-хан. Каждый вечер старик поднимался на вершину стены и здесь пел свои песни.

Прошёл четвёртый день, Аланча-хану надоело ждать, и он ночью велел сделать вылазку, но она кончилась тем, что Джучи-Катэм убил ещё четверых, а остальные бежали. Изнемогавший от жажды Джучи-Катэм чуть не умер от утомления, и Кара-Нингиль ухаживала за ним, прикладывая холодные камни к его голове.

На шестой день умерла Ак-Бибэ. Как страшно мучилась бедная девушка, и как она просила воды, чтобы смочить запёкшийся рот, но воды не было... Ей всё представлялось, что враги делают новый приступ, и она просила убить её, а не отдавать на позор Аланча-хану. Её похоронили в глубоком колодце,

который был когда-то вырыт на Кузь-Тау. Джучи-Катэм горько плакал над могилой погубленной Узун-ханом дочери, и это горе придавало ему силы.

-- Не плачь, Джучи-Катэм, -- утешала его Кара-Нингиль, -- Ак-Бибэ счастливее нас... Она больше не мучится. Она не чувствует жажды, позора, болезней, чужой и своей несправедливости.

-- О, да, умереть, скорее умереть! -- шептал Джучи-Катэм, закрывая своё лицо руками. -- И ты, Кара-Нингиль, утешаешь меня?.. Ты -- моё солнце, которое одним даёт жизнь, а других заставляет умирать... Я боюсь только одного: быть несправедливым в последнюю минуту и к себе, и к тебе... Ты -- моя Голодная Степь, с которой я похоронил всё!..

О, как мучилась, как страшно мучилась Кара-Нингиль!.. Стоило ей закрыть глаза, как всё застилалось красным огнём, -- он, этот огонь, пожирал её. Даже ночью не было пощады, и всё небо казалось кровавым, а звёзды смотрели с него страшными огненно-красными глазами. Если лошади так страшно умирали от жажды, то Кара-Нингиль мучилась

вдвое, и нравственные муки были тяжелее физических страданий.

-- Нет, я царица... царица... -- шептали запёкшиеся губы Кара-Нингиль, те губы, которыми она целовала Аланча-хана. -- Он не увидит моего позора... он не услышит мольбы о пощаде... я -- царица...

Прошло семь ужасных дней и семь ужасных ночей, и когда над Чолпан-Тау поднималось утреннее солнце, заключённые на вершине Кузь-Тау думали: это восходит наше последнее солнце. Лица у всех посинели, исказились и сделались страшными. Они старались не смотреть друг на друга. У Кара-Нингиль распух даже язык, и она с трудом могла говорить. Джучи-Катэм едва держался на ногах, и чтобы перейти с одного места на другое, он употреблял нечеловеческие усилия. Бодрее всех оставался Байгыр-хан, но он совсем помешался от голода. Смерть шла к ним быстрыми шагами.

Кара-Нингиль ждала наверху стены. О, как трудно было ей подняться сюда, но это было нужно... Она смотрела вниз, на стан Аланча-хана, и видела приготовления к новому

приступу. Если бы она могла смеяться над этими храбрецами, но она только знаком руки пригласила на стену Джучи-Катэм. Когда он вполз на вершину, он увидел, что Кара-Нингиль, обняв колени, плачет... Это были последние слёзы Кара-Нингиль... О, сколько ненужного зла кругом, сколько ужасной несправедливости! Только один человек может наслаждаться несчастьями и позором других... Женщина давно умерла в Кара-Нингиль, и плакала сейчас царица, плакала в последний раз. Ей вдруг сделалось жаль этих безумцев с Аланча-ханом во главе, которые с торжеством и радостью готовятся схватить высохшую от жажды добычу, а найдут одного сумасшедшего Байгыр-хана. Вон уже звучит призывная труба... вон пьяный Уучи-Буш кричит им:

-- Я один возьму вас всех... Вы узнаете, кто такой Уучи-Буш!.. Эй, царица Кара-Нингиль, сдавайся на моё милосердие!..

-- Они уже идут... -- шептал Джучи-Катэм, наблюдая поднимавшихся по каменистой круче врагов. -- А я не могу пошевелиться, чтобы сбросить их по одному под гору...

-- Мы будем свободны, прежде чем они войдут сюда, -- отвечала Кара-Нингиль.

Ближе и ближе звучала военная труба... Байгыр-хан тоже был на стене и с удивлением смотрел кругом. Звуки трубы подняли в нём всё старое, когда он был молод и силён, и старик, собрав последние силы, запел:

"О, смерть любит храбрых..."

-- Пора... -- шептала Кара-Нингиль, когда враг уже вступил в развалины.

Она крепко обняла Джучи-Катэм, и они вместе ринулись вниз, где зияла пропасть. Даже враги вскрикнули от ужаса... А Байгыр-хан всё пел и смотрел безумными глазами на ворвавшихся на вершину Кузь-Тау врагов.

С каменной высоты к ногам Аланча-хана скатились два трупа. Лицо Джучи-Катэм было неузнаваемо: так оно разбилось о камни. Когда Аланча-хан подошёл к трупу женщины и заглянул к ней в лицо, он вздрогнул от ужаса: эта была та аячка, которая приходила к нему в Баги-Дигишт.

-- Где же Кара-Нингиль? -- спрашивал Аланча-хан, отступая в ужасе.

-- Это Кара-Нингиль, -- уверял Уучи-Буш. --

Я ли не знаю её... Да, это она.

Аланча-хан велел похоронить Кара-Нингиль и Джучи-Катэм на вершине Кузь-Тау, а Байгыр-хана оставить в его пещере, где он жил раньше.

Много лет пронеслось над Чолпан-Тау, -- десятки и сотни лет. Всё такую же безлюдной остаётся Голодная Степь, от Зелёного Города остались одни развалины. Но так же высоко поднимает свою голову Кузь-Тау, так же торчат на ней развалины старой крепости, и только крутой спуск, где раньше лежали одни голые камни, теперь покрыт, как ковром, яркими цветами. Много их тут, этих цветов: розовые, синие, жёлтые... Больше нигде нет таких цветов, если обойти весь Чолпан-Тау. Народ называет эти цветы на Кузь-Тау "слезами царицы Кара-Нингиль".

Источник: Мамин-Сибиряк Д. Н. Легенды. -- СПб.: Типография И. А. Богельман, 1898. -- С. 65.